

ИССЛЕДОВАНИЯ ЭКСТРЕМИЗМА И РАДИКАЛИЗМА В ЗАРУБЕЖНЫХ И ОТЕЧЕСТВЕННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ*

Сергеев С.А., д.полит.н., проф.

Понятие «экстремизм». В самом общем виде экстремизм (от лат. *extremus* – крайний, последний) может быть охарактеризован как приверженность крайним взглядам и таким же крайним методам их реализации. Питер Коулман (Международный центр по сотрудничеству и разрешению конфликтов Колумбийского университета) и Андреа Бартоли (Институт анализа и разрешения конфликтов университета Дж. Мэйсона) определяют экстремизм как все виды деятельности (взгляды, установки, чувства, действия, стратегии), отличающиеся от общепринятых¹. Подобная дефиниция, при всей ее широте, представляется нам более предпочтительной, чем дефиниции, встречающиеся в отечественной литературе, акцент в которых делается на идейную и психологическую сторону экстремизма². Тем самым явно или неявно предполагается, что экстремизм – это только определенные взгляды и готовность к действию, а терроризм – это претворение в жизнь этих взглядов. Подобный разрыв между идеологическим и психолого-политическим аспектами экстремизма, с одной стороны, и собственно деятельностным его аспектом выглядят крайне схоластически и нереалистически.

Таким образом, в теоретическом плане проблема определения экстремизма зависит, в конечном итоге, от того, что в данном обществе считается нормой, а что – отклонением от нее, девиацией. Поэтому в демократических обществах экстремистами обычно называются те индивиды или группы, которые выступают за устранение демократии и установление авторитарного режима, а в авторитарных и тоталитарных обществах – наоборот.

Применение термина «экстремизм» поэтому носит в той или иной мере субъективный и конструируемый характер. Одно и то же действие (допустим, развертывание герильи – партизанской войны) может рассматриваться и как «борьба за свободу» и как «экстремизм» и «терроризм»³. В силу этого употребление термина «экстремизм» может носить характер «наклеивания ярлыков», т.е. умеренная и ненасильственная оппозиционная деятельность может быть охарактеризована властью или СМИ как «экстремистская», и наоборот.

С субъективизмом и конструируемостью понятия «экстремизм» связана также его экзонимичность, т.е. данное понятие применяется, как правило, одними индивидами или группами для характеристики других, но не самих себя.

Тем не менее возможности конструирования и субъективного «наклеивания ярлыков» не безграничны. В большинстве случаев под экстремизмом понимаются взгляды, имеющие нетолерантный, нетерпимый характер, легитимизирующие применение насилия по отношению к приверженцам иных взглядов, а также деятельность насильственного характера.

Обращаясь к юридическим определениям экстремизма, следует отметить, что согласно Шанхайской Конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 г., экстремизм расценивается как деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную

* Статья выполнена при поддержке Министерства образования и науки РФ (контракт № 02.740.11.5208, тема «Политический экстремизм и радикализм в Российской Федерации: социальные причины, виды и формы проявления»)

¹ Coleman P.T. Addressing Extremism / P.T. Coleman, A. Bartoli // http://www.tc.columbia.edu/i/a/document/9386_WhitePaper_2_Extremism_030809.pdf.

² См., напр.: «Экстремизм – это приверженность к определённой системе взглядов и идей, основанной на нетерпимости к ... демократическим правам и свободам человека и гражданина, характеризующаяся внутренней готовностью к активной деятельности, направленной на претворение в действительность таких воззрений уголовно наказуемыми способами» (Сергун Е.П. Экстремизм в российском уголовном праве: автореф. дисс.... к.ю.н. Тамбов, 2009. С.9).

³ Coleman P.T., Bartoli A. Op. cit.

безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них¹.

В Российской Федерации юридическое определение того, какие действия считаются экстремистскими, содержится в статье 1 Федерального Закона № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». В соответствии с ним к экстремистской деятельности (экстремизму), в частности, относятся:

- насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации;
- публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность;
- возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;
- нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
- пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
- пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нею до степени смешения;
- организация, подготовка и финансирование указанных деяний, либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении².

Термин «радикализм» первоначально применялся для того, чтобы охарактеризовать стремление дойти до корня социальных проблем, хотя в настоящее время чаще используется для обозначения комплекса политических идей и действий, нацеленных на коренное (радикальное) изменение существующих социальных и политических институтов³.

В этом смысле понятия «радикализм» и «экстремизм» часто употребляются как синонимы. Но при этом следует отметить, что понятие «радикализм» не имеет таких отрицательных коннотаций, как понятие «экстремизм» (или подобные коннотации присущи ему в меньшей степени), поэтому может считаться в большей мере ценностно нейтральным, и, на наш взгляд, более академичным. В силу его большей нейтральности термин «радикал» в политическом дискурсе термин «радикал» не является экзонимичным и иногда может использоваться политическими группами для собственной характеристики (за исключением США, где этот термин также несет негативные коннотации еще со времен маккартизма). Трудно поэтому согласиться с Г.И. Авциновой, которая полагала, что «термин «радикализм», широко эксплуатируясь средствами массовой информации, учеными, носит пропагандистско-лингвистический характер». В настоящее время ситуация складывается диаметрально противоположным образом: термин «экстремизм», будучи неумеренно используем и СМИ, и правоохранительными органами, приобретает все более и более характер пропагандистского «ярлыка» или «лейбла», а термин «радикализм» имеет шанс стать академическим термином, использование которого исследователем не повлечет по отношению к объекту исследования уголовных репрессий.

Типы экстремизма и радикализма. В исследовании Л. Уилкокса и Дж. Джорджа выделяются два основных типа экстремизма в США: левый и правый. К левым экстремистам Л. Уилкокс и Дж. Джордж относят, в частности, Компартию США, Компартию США (марксистско-ленинскую), социалистическую рабочую партию, Революционную коммунистическую партию, партию «Черные Пантеры», движение «Студенты за демократическое общество» и др. К правым – различные неонацистские организации (американскую нацистскую

¹ Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом // Собрание законодательства РФ. 2003. № 2. Ст. 155.

² О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.

³ См., напр.: Новиков И.А. Молодежный радикализм как фактор девиантного поведения: социокультурный анализ: автореф. дисс.... канд. соц. наук. М., 2006. С. 3.

партию, национал-социалистическую партию белых Америки, национал-социалистический фронт освобождения и др.), различные группы, объединенные названием «Арийские нации», Ку Клукс Клан, а также Лигу защиты евреев и «Нацию Ислама»¹. Левые экстремисты декларируют стремление к восстановлению социальной справедливости и объявляют себя наиболее последовательными борцами «за дело трудящихся масс». Правый экстремизм придерживается идеи борьбы между нациями и расами, культурами и цивилизациями.

В более подробных типологиях также выделяются такие разновидности экстремизма, как этнонационалистический и религиозный экстремизм. На наш взгляд, корректнее было бы определять их как этнополитический экстремизм и религиозно-политический экстремизм, поскольку при всей специфике их идейно-мировоззренческих оснований данные идеологии и движения ставят в конечном итоге политические цели.

Нередко в качестве специфической разновидности экстремизма (и радикализма) выделяется молодежный экстремизм (радикализм). «Экстремизм в молодежной среде представляет собой индивидуальное и социально-групповое проявление крайних, неумеренных в нравственном и правовом отношениях средств и способов жизнедеятельности молодежи как особой социальной группы и специфической категории населения»². В этом, конечно, можно усмотреть некоторое нарушение логических принципов классификации (есть молодежный экстремизм, но нет экстремизма зрелого возраста или экстремизма пожилых), но данный термин де-факто укоренился со времен «молодежной революции» 1960-х гг. в странах Западной Европы и США. Одним из первых отечественных исследователей экстремизма в молодежной среде в социологическом аспекте является Санкт-Петербургский социолог А.А. Козлов³.

Обращаясь к отечественным диссертационным исследованиям, выполненным в 1990-2000-е гг., следует отметить, что их авторы с гораздо большей охотой обращаются к понятию «экстремизм». В частности, понятие «экстремизм» используется авторами 45 диссертаций, в то время как понятие «радикализм» - 11. При этом определяя, даваемые понятиям «радикализм» и «экстремизм», схожи до степени неразличимости⁴.

Экстремизму в современной РФ посвящена 41 диссертация из 45 (две диссертации посвящены экстремизму в современных западных странах, одна – экстремизму в Центральной Азии, и одна – в СССР). Среди диссертаций, посвященных экстремизму, 4 докторских и 41 кандидатская.

Преобладают среди диссертаций, посвященных экстремизму, диссертации по юридическим наукам (19, из них 3 докторских). Почти столь же активно разрабатывают тематику экстремизма политологи (16 диссертаций, из них 1 докторская). Философами защищено 7 диссертаций по экстремизму, социологами – 3.

Чаще всего в названиях работ упоминается религиозный экстремизм (14 диссертационных работ из 43, причем 13 из них посвящено исламскому экстремизму), политический экстремизм – 11 работ, просто экстремизм – 9 работ, молодежный экстремизм – 6 работ, ле-

¹ George J. Nazis, Communists, Klansmen, and Others on the Fringe: Political Extremism in America / J. George, L. Wilcox. Buffalo, (N.Y.): Prometheus Books, 1992. 523 p.

² Афанасьева Р. М. Социокультурные условия противодействия экстремизму в молодежной среде (социально-философский анализ): дисс... канд. философ. наук: 09.00.11. М., 2007. С.10.

³ Козлов А.А. Проблемы экстремизма в молодежной среде / Система воспитания в высшей школе. Вып. 4. М., 1994; Козлов А.А. Молодежный экстремизм. СПб., 1996.

⁴ «Молодежный радикализм - это приверженность крайним взглядам и методам действий по достижению групповых целей различных молодежных организаций...» (Новиков И. А. Молодежный радикализм как фактор девиантного поведения: социокультурный анализ: автореф. дисс.... канд. соц. наук: 22.00.06. М., 2006. С.9). «Предлагается определение молодёжного радикализма как феномена - это отклоняющееся от принятых в данном обществе, социальной среде, ближайшем окружении, группе социально-нравственных норм и ценностей, нарушение процесса усвоения и воспроизводства этих норм и ценностей, а также саморазвитие и самореализации человека в том обществе, к которому он принадлежит» (Круглов А. Е. Молодёжный радикализм: формирование угрозы безопасности в период трансформации российского общества: дисс. ... д-ра полит. наук: 23.00.02. Саратов, 2006. С.14). Оба определения явно или неявно исходят из понятия отклонения от нормы, наличия некоей крайности, что используется также для определения экстремизма.

вый экстремизм – 1 работа, правый экстремизм – также 1 работа (обе работы рассматривают западную практику), расово-этнический экстремизм – 1 работа, информационный – 1 работа.

Однако, при ближайшем рассмотрении содержания данных диссертаций выясняется, что северокавказскому экстремизму, именуемому обычно религиозным, но также и этнорелигиозным (этнонациональным), уделяется еще больше внимания – ему посвящено 24 диссертации, т.е. свыше половины, а в той или иной мере он затронут еще в 4 диссертациях.

Правому экстремизму посвящено 7 работ, и левому и правому – 2 работы, всем основным разновидностям экстремизма (левый, правый, религиозный) – 9 работ.

Несколько иная ситуация складывается в области диссертационных работ по радикализму. Всего за 1993-2010 гг. защищено 11 диссертаций по политическому радикализму, из них 4 докторских. Политическому радикализму в современной России посвящено 6 диссертаций; 2 диссертации посвящены историческому правому и левому радикализму в России – 3 – зарубежному радикализму (США и Индия).

Из 6 диссертаций (в т.ч. 3 докторских), посвященных современному радикализму в России, 3 диссертации защищены по философским наукам, 2 – по политическим, 1 - по социологическим.

Религиозному радикализму посвящены 2 диссертации, молодежному радикализму – 2 диссертации (одна из них анализирует почти исключительно этноконфессиональный радикализм, другая – анализирует его наряду с правым и левым радикализмом). Еще две диссертации (по философским наукам) обозначили свой объект как политический радикализм, но анализируют преимущественно левый радикализм.

Таким образом, в отечественной науке наибольшее внимание уделяется изучению этнорелигиозного экстремизма; социологами феномены экстремизма и радикализма изучены сравнительно хуже, нежели юристами и ли политологами.

Теоретические подходы к изучению причин экстремизма и радикализма. В зарубежных исследованиях, направленных на выяснение причин возникновения экстремизма и радикализма, можно выделить несколько основных направлений.

Во-первых, это работы, фокусирующее внимание на индивидуальных психологических факторах обращения к экстремизму и радикализму. Ряд профессиональных психологов и психиатров склонны рассматривать экстремистов, радикалов и террористов как лиц, страдающих психическими расстройствами (психопатами или социопатами)¹. Однако, с точки зрения логики, люди с личностными патологиями не смогут прижиться в организации, не смогут координировать деятельность с другими такими же людьми и соблюдать дисциплину. Неофрейдистами, сторонниками концепций М. Кляйн и Э. Фромма развиты более сложные версии данного подхода. Признавая отсутствие серьезной психопатологии у радикалов и экстремистов и, в сущности, признавая их нормальность, неофрейдисты утверждают, что радикалы и экстремисты страдают от полученной в детстве травм, приводящей к патологическому нарциссизму, паранойе и т.д. Эти теории развиваются, в частности, Дж. Постом и его последователями². Также предпринимались попытки соединить неофрейдизм с концепцией «авторитарной личности», разработанной исследователями Франкфуртской школы в 1950-е гг. (Т. Адорно)³. Однако исследовательские проекты, объектом изучения которых были арестованные германские и итальянские террористы 1970-х гг. из «Фракции Красной Армии» и

¹ Coleman P.T., Bartoli A. Op. cit.

² Post J. Notes on Psychodynamic Theory of Terrorist Behavior // *Terrorism: An International Journal*. 1984. № 7(3). P. 241-256; Post J. Narcissism and the Charismatic Leader-Follower Relationship // *Political Psychology*. 1986. № 7 (4). P.675-688; Robins R., Post J. *Political Paranoia: The Psychopolitics of Hatred*. New Haven (Conn.): Yale Univ. Pr., 1997.

³ Post J. The Radical Group in Context: 1. An Integrated Framework for the Analysis of Group Risk for Terrorism / J. Post, K. Rudy, E. Shaw // *Studies in Conflict and Terrorism*. 2002. № 25. P. 73-100; Post J. The Radical Group in Context: 2. An Identification of Critical Elements in the Analysis of Risk for Terrorism by Radical Group Type / J. Post, K. Rudy, E. Shaw // *Studies in Conflict and Terrorism*. 2002. № 25. P.101-126.

«Красных бригад», опровергли гипотезу о существовании некоей психопатологической предрасположенности к экстремизму и терроризму¹.

Во-вторых, на объяснение причин возникновения экстремизма и радикализма претендуют подходы, которые можно назвать теориями социальной депривации. В наиболее простом виде они сводятся к утверждению, что экстремизм и радикализм порождаются бедностью в условиях асимметричного распределения власти; соответственно, радикалами и экстремистами становятся бедные и не имеющие власти группы и индивиды. Хотя в некоторых случаях подобная теория выглядит обоснованной (например, палестинский экстремизм), обращает на себя внимание то, что руководители и активисты экстремистских и радикальных организаций отнюдь не принадлежат к бедным и обездоленным.

Более сложное социологическое объяснение возникновения экстремистских и радикальных движений предложено Тедом Гурром, выдвинувшим теорию «относительной депривации». Согласно этой теории, люди начинают проявлять наибольшее недовольство и склонность к насилию при расхождении между ценностными ожиданиями группы и ее нереализованными ценностными возможностями². Т. Гурр сформулировал три модели относительной депривации:

- а) ценностные ожидания остаются теми же, а возможности убывают;
- б) ценностные ожидания возрастают, а возможности остаются прежними;
- в) ценностные ожидания возрастают, а возможности убывают³.

Теория относительной депривации развивалась Д. Дэвисом, И. Фейерабендом, Б. Неволдом и др. Объясняя значительное количество случаев на макросоциальном уровне, данная теория, однако, оказалась не в состоянии объяснить причины и механизмы рекрутирования лидеров и активистов радикальных и экстремистских организаций.

Поэтому в настоящее время в качестве теоретико-методологической базы для микро-социологического исследования экстремистских, радикальных и террористических сообществ активно начинают применяться теории социальных сетей (М. Грановеттер, Р. Берг⁴) и социального капитала (П. Бурдье, Р. Коулман, Р. Патнэм⁵). При этом социальная сеть понимается как группа индивидуальных агентов, которые разделяют неформальные нормы или ценности, а социальный капитал – способность акторов гарантировать себе блага посредством членства в сетях и других социальных структурах⁶. При этом под благами отнюдь не обязательно понимать материальные блага. Это могут быть эмоциональные привязанности, социальные и духовные потребности и пр. На роль эмоциональных привязанностей, а также личных связей и симпатий обратили внимание еще исследователи, изучавшие в конце 1970-х – 1980-е гг. отношения в германских и итальянских левых террористических организациях, но тогда они не могли за рамки концепций политической социализации⁷.

¹ Della Porta D. Recruitment Process in Clandestine Political Organizations: Italian Left-Wing Terrorism // International Social Movement Research. 1988. № 1. P. 155-169; Della Porta D. Political Socialization in Left-Wing Underground Organizations: Biographies of Italian and German Militants // International Social Movement Research. 1992. № 4. P. 259-290; Merkl P. West German Left-Wing Terrorism / Terrorism in Context. Ed. by M. Creshaw. University Park: Pennsylvania State Univ. Pr., 1995, P.17-39; Passerini L. Lacerations in Memory: Women in the Italian Underground Organizations // International Social Movement Research. 1992. № 4. P. 161-212.

² Гапп Т.Р. Почему люди бунтуют. СПб.: Питер, 2005. С.51 и далее.

³ Там же, С.84.

⁴ Granovetter M. S. The Strength of Weak Ties // American Journal of Sociology. 1973. Vol.78. № 6. P. 1360-1380; Burt R.S. Toward a Structural Theory of Action: Network Models of Social Structure, Perspectives and Action. N.Y.: Academic Press, 1982.

⁵ Бурдье П. Формы капитала / Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики. Сост. и науч. ред. В.В. Радаева. М.: РОССПЭН, 2004. С. 519-536; Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С.122-139; Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. М.: Ad Marginem, 1996. 288 с.

⁶ Фукуяма Ф. Великий разрыв. М.: ООО «Изд-во АСТ», 2003. С.273; Portes A. Social Capital: its origins and applications in modern sociology // Annual Review of Sociology. 1998. № 24. P.6.

⁷ Wasmund K. The Political Socialization of West German Terrorists / Political Violence and Terror: Motifs and Motivations. Ed. P. H. Merkl. Berkeley: Univ. of Calif. Pr., 1986. P.191-228; Della Porta D. Recruitment Process in Clandestine Political Organizations: Italian Left-Wing Terrorism // International Social Movement Research. 1988. № 1. P.

В 2000-х гг. сетевой анализ «Аль-Кайды» был проведен М. Сейджменом, доктором политической социологии из Пеннсильванского университета, в 1986-1989 гг. работавшего сотрудником дипломатической службы США в Исламабаде. Проанализировав биографии выявленных террористов «Аль-Кайды», он пришел к выводу, что глобальный салафитский джихад представляет собой скорее самоорганизующуюся сетевую структуру с необычными характеристиками стойкости и гибкости, чем структуру, созданную по воле Бин Ладена. Социальные связи играют в появлении этой структуры большую роль, нежели идеология¹.

Определенные ограничения на применение сетевой теории и анализа сетей накладывает следующее обстоятельство. Хотя сетевой анализ не носит строго количественного характера и традиционные математические процедуры построения выборки невозможны в силу отсутствия точных данных о генеральной совокупности (количестве радикалов, экстремистов, террористов), чем больше биографических данных будет собрано и проанализировано, тем больше мы можем полагаться на полученные выводы. Так, германские исследователи, изучавшие социально-психологические характеристики членов «Фракции Красной Армии», располагали 227 следственными делами арестованных боевиков; итальянские исследователи опирались на базу данных, созданную на основе судебных протоколов по делам 1200 (!) боевиков «Красных бригад», а также 28 глубинными интервью; М. Сейджмен собрал биографические данные 172 функционеров «Аль-Кайды»².

Рассмотрим теперь литературу, посвященную правым, левым и клерикальным (религиозным) радикалам и экстремистам.

Правый экстремизм и радикализм. В зарубежной литературе изучение правого экстремизма и радикализма имеет сравнительно богатую и давнюю традицию. Среди работ по фашизму и национал-социализму нужно назвать ставшие классическими работы Юджина Вебера (1925 – 1907), Роджера Гриффина (1948 г.р.), Роджера Итвелла, Уолтера Лакера (1921 г.р.), Сеймура Мартина Липсета (1922 – 2006), Джорджа (Георга) Лахманна Моссе (1918 – 1999), Стэнли Пэйна (1934 г.р.) и др., предложивших ряд теоретических интерпретаций феномена фашизма.

С. Липсет, Ю. Вебер, Ст. Пэйн, У. Лакер (исследователи, родившиеся в 1920-х – начале 1930-х гг.) могут быть отнесены к первому поколению исследователей фашизма, интересовавшихся преимущественно историческим фашизмом и его разновидностями.

Р. Гриффин представляет второе поколение исследователей фашизма, сформировавшееся в 1970-е – 1980-е гг. и интересующееся как историческим фашизмом, так и его современными разновидностями и тенденциями развития.

К третьему поколению исследователей фашизма может быть отнесен, в частности, Андреас Умланд (1967 г.р.). Он один из редакторов сборника «Фашизм в прошлом и настоящем, на Востоке и на Западе» (вместе с Р. Гриффином и В. Лохом), активно изучает советские и постсоветские политические процессы, в частности, радикальных правых в РФ.

В настоящее время работы Ст. Пейна, Р. Гриффина и Р. Итвелла³, по оценке А. Умланда, образуют ядро все более явного консенсуса в понимании фашизма среди западных историков, политологов и социологов.

Одна из активно обсуждавшихся и обсуждаемых проблем – каково место фашизма в спектре идеологий? Является ли он крайне правым течением, сочетает черты крайне правых и левых течений или само деление на правых и левых в случае анализа фашизма обнаруживает свою недостаточность?

155-169; Della Porta D. Political Socialization in Left-Wing Underground Organizations: Biographies of Italian and German Militants // International Social Movement Research. 1992. № 4. P. 259-290.

¹ Сейджмен М. Сетевые структуры терроризма. М.: Идея-Пресс, 2008. С. 185, 191.

² Там же, С. 78-88, 140-141.

³ Eatwell R. Towards a New Model of Generic Fascism // Journal of Theoretical Politics. 1992. Vol. 4. № 2. P. 161-194; Eatwell R. Fascism. A History. Penguin Books, 1997; Eatwell R. On Defining the «Fascist Minimum»: The Centrality of Ideology // Journal of Political Ideologies. 1996. Vol. 1. № 3. P. 303-319.

Историки Ю. Вебер и Д. Рэнтон относят фашизм к правым идеологиям¹. Р. Штакельберг доказывал, в частности, что фашизм противостоит эгалитаризму, в особенности представлениям об этническом и расовом равенстве, и демократии; это, по его мнению, является характеристиками крайне правого движения².

Уолтер Лакер предложил любопытную формулировку: исторический фашизм, по его мнению, не относится к крайне левым, но и отнесение его к крайне правым течениям не очень способствует пониманию нами этого феномена. Фашизм, по мнению У. Лакера, это коалиция радикальных, популистских элементов и прочих, тяготеющих к крайне правым³.

Ст. Пэйн доказывал, что довоенный фашизм был составной частью более широкого правого движения⁴. Эта мысль была развита отечественным исследователем А. Галкиным, который подчеркивал, что генезис и первоначальное развитие фашизма в Германии нельзя рассматривать в отрыве от так называемых фелькишских движений и групп⁵ («фелькишский» можно буквально перевести как «народнический», но данный вариант перевода скорее сбивает с толку, поскольку «народнический» в русском языке сразу ассоциируется с историческим народничеством, бывшим революционным и социалистическим течением; правильнее, наверное, интерпретировать «фелькишские движения» как национальные, националистические или национал-патриотические).

В то же время Ст. Пэйн утверждал, что «фашисты уникальны в своей враждебности всем другим течениям – левым, правым и центру», хотя признавал, что они заключали коалиции и с правыми, и с левыми, но чаще все-таки с правыми⁶. При всем этом он утверждал, что германский нацизм ближе к русскому коммунизму, чем к любым другим некоммунистическим системам⁷.

Точку зрения, согласно которой фашизм не является ни левым, ни правым течением, разделяли в той или иной мере С. М. Липсет, Р. Итвелл и Р. Гриффин.

Один из классиков американской политологии и политической социологии С. М. Липсет, в частности, доказывал, что, наряду с правым и левым экстремизмом, существует экстремизм центра, на базе которого и сформировался фашизм⁸. (Здесь важно не смешивать «центр» в политическом смысле слова, к которому фашизм никогда не принадлежал и не принадлежит, и «центр» в социально-стратификационном смысле («старые средние классы»), который при определенных условиях становится социальной базой правого радикализма). Социальной базой левого экстремизма, к которому С. Липсет относил, кроме коммунизма, также, в частности, перонизм, являются низшие классы, правого экстремизма (примерами правого экстремизма являются, по мнению С. Липсета, хортизм, франкизм и т.п.) – соответственно высшие классы, в особенности аристократия. Правые экстремисты стремятся к сохранению социокультурных и экономических норм, левые экстремисты и экстремисты центра пытаются их изменить.

Р. Итвелл даже заявлял, что терминология, связанная с традиционным делением политического спектра на «правых» и «левых», потерпела полный провал в понимании сложной природы идеологии фашизма, и необходимо заменить традиционную схему «левые – правые» на многомерные модели⁹. Р. Гриффин подчеркивал: «Отнесение фашизма к правой части политического спектра представляет собой запутанную проблему; есть предпосылки для того, чтобы разрубить этот гордиев узел, поместив фашизм в категорию «ни правые, ни

¹ Weber E. *Varieties of Fascism: Doctrines of Revolution in the Twentieth Century*. N.Y.: Van Nostrand Reinhold Company, 1982. P. 8; Renton D. *Fascism: Theory and Practice*. L.: Pluto Pr., 1999. P.21.

² Stackleberg R. *Hitler's Germany*. L.: Routledge, 1999. P. 17.

³ Laqueur W. *Fascism: Past, Present, Future*. N. Y.: Oxf.: Oxf. Univ. Pr., 1997.

⁴ Payne G. *St. Fascism: Comparison and Definition*. Madison: Univ. of Wisconsin Pr., 1983. P. 3.

⁵ Галкин, А. Германский фашизм. М.: Наука, 1989. С. 150-151, 173.

⁶ Payne G. *St. Op. cit.*, P.8.

⁷ *Ibid.*, P.104.

⁸ Lipset S.M. *Political Man*. Garden City, N.Y.: Doubleday, 1960. P.141.

⁹ Eatwell R. *A Spectral-Syncretic Approach to Fascism / The Fascism Reader*. Ed. A.A. Kallis. L.: Routledge, 2003. P.79-80.

левые»¹. В то же время Р. Гриффин отмечал, что после окончания второй мировой войны фашистские движения тесно переплетены с радикальными правыми и характеризовал эти группы как «фашистская радикальная правая» тенденция².

В своей главной работе «Природа фашизма» Р. Гриффин определил фашизм как «палингенетический ультра национализм», т.е. идеологию, ставящую целью не «возрождение» нации (как другие националистически-популистские идеологии), а её «сотворение заново»³. Другими словами, фашизм - это идеология, направленная на революционное обновление, «новое рождение» (палингенез) нации, или расы, которая идеологами фашизма воспринимается как особый надличностный субъект истории, могущий переживать как периоды упадка, обусловленного нарушением ее органической целостности, так и периоды восстановления или повторного рождения.

Начиная с 1990-х гг., в западноевропейской политологии, а также социальных науках, отмечается устойчивый интерес к исследованию «нового вызова крайне правых», т.е. политических и электоральных успехов праворадикальных и антииммигрантских партий в Австрии, Дании, Италии, Франции и других странах Западной Европы, а также в странах Центральной Европы после 1989 г. На данном исследовательском поле пересекаются интересы и некоторых исследователей исторического фашизма (Р. Итвелл), и исследователей экстремизма и радикализма (П. Меркль, Л. Вайнберг), и ученых, изучающих посткоммунистические трансформации (Г. Китчелт)⁴. Авторы этих работ избегают термина «фашизм», говоря о «крайне правых», «радикальных правых», «радикальном правом популизме». «расистском экстремизме», но связь крайне правых и нацизма может ненавязчиво подчеркиваться, например, в оформлении книги С. Рамет⁵. Обращается внимание на то, что в то время как одни крайне правые движения и партии маргинализируются, другие входят в политический мейнстрим и начинают выглядеть сравнительно респектабельно⁶.

Дискуссия о праворадикальном национализме в России, о правомерности применения к этому течению в целом или к отдельным российским праворадикальным организациям определения «фашизм» или «нацизм», а также о перспективах этого движения идет уже свыше 20 лет. Среди участников этой дискуссии М. Соколов выделил зарубежных ученых, работающих на кафедрах русистики и славистики в университетах США, Великобритании и Германии (А. Умланд, Ст. Шенфилд, Дж. Данлоп и др.), отечественных ученых, работающих в академических институтах (в первую очередь патриарх исследований фашизма в СССР и РФ А.А. Галкин, а также А. Гордон, Л. Даддани и др.), социологических исследовательских центрах (покойный Ю. Левада, а также Л. Гудков и Л. Седов) и группу экспертов, концентрирующихся вокруг центра «Панорама» (А. Верховский, В. Лихачев, А. Тарасов и др.)⁷, а также, добавим мы, вокруг центра «Сова», созданного в октябре 2002 г. (А. Верховский, Г. Кожевникова и др.)⁸.

¹ Griffin R. *The Nature of Fascism*. L.: Pinter; N.Y.: St. Martin's Pr., 1991. P.26.

² Griffin R. *Interregnum or Endgame? Radical Right Thought in the «Post-fascist» Era* // *The Journal of Political Ideologies*. 2000. July. Vol. 5. № 2. P. 163–178.

³ Griffin R. *The Nature of Fascism*, P.26.

⁴ Kitschelt H., McGann A. J. *The radical right in Western Europe: a comparative analysis*. Ann Arbor: Univ. of Michigan Pr., 1997. 352 p.; *Right-Wing Extremism in the Twenty-First Century* / Eds. P.H. Merkl, L. Weinberg. L.: Routledge, 2003. 311 p. Eatwell R., Mudde C. *Western democracies and the new extreme right challenge*. L.: Routledge, 2004. 216 p.

⁵ Betz Hans-Georg. *Radical right-wing populism in Western Europe*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 1994. 226 p.; Ramet S.P. *The radical right in Central and Eastern Europe since 1989*. University Park: Penn State Pr., 1999. 383 p. Mudde C. *Racist extremism in Central and Eastern Europe*. L.: Routledge, 2005. 314 p.

⁶ Hainsworth P. *The politics of the extreme right: from the margins to the mainstream*. L.: Pinter, 2000. 322 p.

⁷ Соколов М. Изучая «русский фашизм»: несколько критических замечаний о дискуссии 90-х гг. / *Русский национализм в политическом пространстве (исследования по национализму в России)*. Сост. М. Ларюэль. М., 2007. С.31.

⁸ Следует отметить следующие издания центра «Сова», посвященные русскому национализму: *Русский национализм: идеология и настроение*. М.: Центр «Сова», 2006; *Верхи и низы русского национализма*. Сост. А. Верховский. М.: Центр «Сова», 2007. Кроме того, Центр «Сова» регулярно (не реже раза в год) составляет обзоры

По его мнению, эти группы составляют оформившееся сообщество исследователей (буквально он пишет о «вполне оформленной субдисциплине», что, на наш взгляд, не вполне точно терминологически), которое, однако, использует для исследований правого русского радикализма далеко не все подходы, применяемые в социальных науках. Так, по мнению М. Соколова, охотно прибегая к историческим аналогиям («веймарская Россия», «русский фашизм»), участники дискуссии практически не используют аппарат сравнительной политологии (например, для сравнения современных правых экстремистов в России и США) и почти не обсуждают субкультурную специфичность российских правых¹.

Возражая М. Соколову, А. Умланд отмечает, что действительно существует сообщество исследователей русского национализма, но об «оформленной субдисциплине» говорить преждевременно: «У нас пока что нет ни серьезной академической институциональной базы, т.е. ассоциации или НИИ, ни периодического академического издания, т.е. специализированного журнала или ежегодника, ни регулярных форумов обмена мнениями, т.е. постоянных серий семинаров или конференций»². А. Умланд также отмечает, что полностью поддерживает его критические рефлексии М. Соколова и его попытку идентифицировать некую структуру расхождений в подходах к современному правому экстремизму в России, но при этом не согласен «с тем, как Соколов делит наш небольшой круг»³. Ранее А. Умланд выделил четыре группы среди исследователей русского правого радикализма.

Во-первых, это историки и публицисты, до сих пор придерживающиеся стандартного советского определения фашизма в слегка видоизмененном виде. Второе направление составляют авторы, которые рассматривают фашизм как западную по своей сути форму экстремизма, которая, по определению, не является российской. Сторонники такого подхода либо предпочитают не замечать потенциально фашистские тенденции в российском обществе, либо просто исключают даже самую возможность их возникновения. В-третьих, А. Умланд отмечает, что существует большое количество авторов, склонных называть «фашистскими» широкий спектр авторитарных и националистических движений и даже таких движений, которые, строго говоря, к таковым не относятся. Например, «про-» или «полуфашистскими» именуется Борис Ельцин и другие либеральные политики со склонностью к авторитаризму. И четвертое направление, выделяемое А. Умландом, является, по его мнению, и продолжает поздние советско-российских исследований фашизма, и учитывает современные зарубежные теоретические концепции. Поэтому ее сторонники, в частности, не используют термин «фашизм» в качестве синонима для германского нацизма или правых политических движений на Западе и не злоупотребляет термином «фашистский» для обозначения исторических или современных российских, еврейских или западных политиков, по каким-либо причинам им не симпатичных⁴.

Нетрудно заметить, что, собственно говоря, лишь четвертое направление из выделенных А. Умландом может быть названо в полном смысле научным направлением, а не публицистикой. Поэтому мы предложили бы, в какой-то степени возвращаясь к дихотомии, проведенной М. Соколовым в вышеупомянутой статье 2007 г., провести первоначальную, рабочую классификацию исследователей правого радикализма в России по тому, какой именно тер-

«Радикальный национализм и противодействие ему, размещая их на своем сайте (см.: Кожевникова Г. Радикальный национализм в России и противодействие ему в 2005 году / <http://xeno.sova-center.ru/29481C8/6CEEC08>; Кожевникова Г. Радикальный национализм в России и противодействие ему в 2006 году / <http://xeno.sova-center.ru/29481C8/8F76150>; Кожевникова Г. Радикальный национализм в России и противодействие ему в 2007 году / <http://xeno.sova-center.ru/29481C8/A91EC67>; Кожевникова Г. Радикальный национализм в России и противодействие ему в 2008 году // <http://xeno.sova-center.ru/29481C8/C84DCA7>; Кожевникова Г. Под знаком политического террора. Радикальный национализм в России и противодействие ему в 2009 году // <http://xeno.sova-center.ru/29481C8/E4FA706>).

¹ Соколов М. Изучая «русский фашизм»..., С. 33-34.

² Умланд А. Актуальное состояние исследований русского ультра национализма // www.polit.ru/analytics/2010/07/22/ultranationalisme.html.

³ Там же.

⁴ Умланд А. Современные концепции фашизма...

мин они предпочитают в качестве базового. Здесь, так или иначе, прослеживаются два возможности. Во-первых, ряд исследователей, и русских, и зарубежных, предпочитает термин «русский фашизм» (У. Лакер, Ст. Шенфилд¹) или «нацизм» (В. Лихачев, С. Резник²). Другие исследователи, напротив, видя ограниченность данного понятия и его идеологизированность, предпочитают говорить о «национализме» (А. Верховский), «радикальном национализме» (Г. Кожевникова), «правом радикализме» (А. Галкин, Ю. Красин³, В. Гольц⁴), «ультранационализме» (А. Умланд) и т.п.

Вместе с тем надо отметить и временной фактор: если в 1990-е гг. говорить о «русском фашизме» было в порядке вещей, то позже в научном сообществе стала заметна тенденция к отказу от данного понятия. Одним из первых исследователей, проделавших подобную терминологическую эволюцию, стал старейшина исследований фашизма и правого радикализма в России А.А. Галкин.

Начинают также появляться исследования правых радикалов как молодежной субкультуры. Одним из пионеров исследований в этом направлении был А. Тарасов⁵. Следует также отметить выполненные в последние годы работы А. Салагаева (Казань), Е. Омельченко (Ульяновск), а также учеников А. Салагаева – Р. Сафина, А. Макарова, А. Душина. Результаты этих работ были представлены международной общественности⁶.

Таким образом, хотя в изучении праворадикальных и правоэкстремистских групп и их идеологий в постсоветской России в течение последних лет заметен значительный прогресс, в целом степень изученности проблемы правого экстремизма и радикализма в России уступает степени изученности аналогичных групп в западноевропейских странах и США. А. Умланд отмечал: «Разнообразные российские предполагаемо фашистские группировки могут оказаться или уже оказываются политически более значимыми, чем тщательно исследованные, однако по большей части маргинальные крайне правые течения в современной Западной Европе»⁷. Кроме того, российское сообщество исследователей правого экстремизма и радикализма до сих пор не освободилось от последствий злоупотреблений понятиями «фашизм» и «нацизм» и полностью не ликвидировало отставание от современных исследований на Западе.

Левый радикализм и экстремизм. При изучении современных леворадикальных и левоекстремистских партий и групп как в России, так и за рубежом обращает на себя внимание следующий парадокс. Весьма значительным является количество теоретических (философских, политических и социально-экономических) работ, в которых та или иная леворадикальная доктрина излагается с точки зрения ее основателей или сторонников (или же, напротив, критикуется с точки зрения оппонентов данной доктрины). Так, важнейшим источником по историческому анархизму являются работы М. Бакунина, П. Кропоткина, П.-Ж. Прудона, Б. Такера, по марксизму, который также следует отнести к радикальным течениям –

¹ Shenfield S.D. Russian Fascism: Traditions, Tendencies, Movements. Armonk, N.Y.: M. E. Sharpe, 2001.

² Лихачев В. Нацизм в России. М.: Панорама, 2002; Резник С. Красное и коричневое: книга о советском нацизме. Washington, DC: Вызов, 1991.

³ Галкин А. Российский фашизм? // Социологический журнал. 1994. № 2. С. 17-27; Галкин А.А., Красин Ю.А. О правом радикализме в советском обществе // Обозреватель. 1995. № 12. С. 52-58.

⁴ Tolz V. The Radical Right in Post-Communist Russian Politics // The Revival of Right-Wing Extremism in the Nineties / Eds. P.H. Merkl, L. Weinberg. L., 1997. P. 177-202; Tolz V. Right-Wing Extremism in Russia: The Dynamics of the 1990s // Right-Wing Extremism in the Twenty-First Century / Eds. P.H. Merkl, L. Weinberg. L., 2003. P. 251-271.

⁵ Тарасов А. Порождение реформ: бритоголовые, они же скинхэды. Новая молодежная субкультура в России // 2000. № 4. С.40-53; № 5. С.39-56; Тарасов А. Меняющиеся скинхэды: опыт наблюдения за субкультурой // Свободная мысль-XXI. 2006. № 5. С.19-32.

⁶ Salagaev A.L. From Local to Global: The Transformation of Delinquent and Radical Communities in the Tatarstan Republic of Russia / A. Salagaev, A. Shashkin, A. Makarov, R. Safin // Subcultures and New Religious Movement in Russia and East-Central Europe. Eds. G. McKay et al. Bern: Peter Lang, 2009. P. 15-32; Omel'chenko E. Skinheads as Defenders of Russia? Power versus Friendship in Xenophobic Youth Subcultures / E.Omel'chenko, A. Garifzianova // Subcultures and New Religious Movement in Russia and East-Central Europe. Eds. G. McKay et al. Bern: Peter Lang, 2009. P.33-60; Душин А.В. Конструирование образа русского национализма: дисс... к.с.н. Н. Новгород, 2009.

⁷ Умланд А. Современные концепции фашизма в России и на Западе // Неприкосновенный запас. 2003. № 5.

работы К. Маркса, Ф. Энгельса, В. Ленина, по более поздним радикальным течениям в коммунизме и марксизме – Л. Троцкого, Э. Манделя, Т. Гранта (троцкизм), И. Сталина (сталинизм), Мао Цзэдуна (маоизм), Р. Люксембург (люксембургизм, или коммунизм рабочих советов), А. Грамши (грамшианство), Л. Альтюсер (структуралистский марксизм) и др.

В 1960-е гг. возникает леворадикальное движение новых левых, противопоставлявшее себя старым левым (традиционным коммунистам и анархистам), которое существенно повлияло на развитие «зеленых» партий, а также на леворадикальный терроризм 1970-х – 1980-х гг. Наряду с левыми радикалами, отождествляющими себя с традиционными леворадикальными течениями (коммунизм, анархизм), сегодня существует движение либертарного социализма, соединяющего черты анархизма, коммунизма рабочих советов и экосоциализма. К либертарному социализму относятся, в частности, автономисты (автономные марксисты), участвующие в движении антифа, а также эконоанархисты. Левые радикалы активно участвовали в антиглобалистском движении 1990-х – 2000-х гг.¹

Наряду со значительным количеством работ, излагающим доктрины левого радикализма, существует не менее значительное количество работ, критикующих эти доктрины, а также практику леворадикальных движений, пришедших к власти. В частности, к наиболее знаменитым критикам марксизма принадлежат представители новоавстрийской экономической школы Л. фон Мизес и Ф.А. фон Хайек, такие критики тоталитарной модели общества, как Х. Арендт, К. Поппер, К. Фридрих, Зб. Бжезинский, Х. Линц и пр. Модель тоталитаризма К. Фридриха и З. Бжезинского впоследствии подверглась критике, поскольку не могла объяснить ни трансформации тоталитарных режимов, ни их коллапса. Напротив, Х. Линц стал в 1970-е – 1980-е гг. одним из видных теоретиков транзитологии.

Однако обилие литературы не может скрыть того обстоятельства, что работ по левому радикализму и экстремизму, подобных работам Р. Гриффина, Р. Итвелла, Ст. Пэйна и др. по правому экстремизму, весьма немного, а работ по современному российскому левому экстремизму и радикализму еще меньше.

Кроме перечисленных выше политико-философских трудов, работ, посвященных апологетике или критике леворадикальных режимов и их лидеров и журналистских книг, посвященных наиболее известным леворадикальным террористическим организациям, можно выделить несколько видов академических исследований левого радикализма и экстремизма:

- работы, посвященные исследованию широкого круга экстремистских движений – как левых, так и религиозных, националистических, правых и т.д. Таковы работы У. Лакера «Терроризм», «Герилья», «Происхождение терроризма»², Б. Хоффмана (бывший директор вашингтонского филиала корпорации РЭНД, редактор журнала «Исследования конфликтов и терроризма») «Терроризм изнутри»³;

- работы К. Васмунда, Д. делла Порто, П. Меркля, Л. Пассерини и др., посвященные изучению внутренней организации леворадикальных и левотеррористических групп в Германии и Италии, в частности особенностям процесса политической социализации в этих группах⁴;

- справочные издания, из которых наиболее подробным и авторитетным является работа «Нацисты, коммунисты, куклуксклановцы и другие политические маргиналы: политический экстремизм в Америке», написанная Лэйрдом Уилкоксом в соавторстве с Джоном

¹ Global Resistance Reader. Ed. by L. Amoore. L., N.Y.: Routledge, Taylor & Francis Group, 2005.

² Laqueur W. Guerrilla: a Historical and Critical Study. L.: Weidenfeld & Nicolson, 1977; Laqueur W. The New Terrorism: Fanaticism and the Arms of Mass Destruction. N.Y.: Oxf. Univ. Pr., 1999; Laqueur W. A history of terrorism. L.: Transaction Publ., 2001.

³ Хоффман Б. Терроризм изнутри. М.: Ультра.Культура, 2003.

⁴ Wasmund K. The Political Socialization of West German Terrorists / Political Violence and Terror: Motifs and Motivations. Ed. P. H. Merkl. Berkeley: Univ. of Calif. Pr., 1986. P.191-228; Della Porta D. Political Socialization in Left-Wing Underground Organizations: Biographies of Italian and German Militants // International Social Movement Research. 1992. № 4. P. 259-290; Merkl P. West German Left-Wing Terrorism / Terrorism in Context. Ed. by M. Creshaw. University Park: Pennsylvania State Univ. Pr., 1995. P. 160-210; Passerini L. Lacerations in Memory: Women in the Italian Underground Organizations // International Social Movement Research. 1992. № 4. P. 161-212.

Джорджем (позже она была переиздана под названием «Американские экстремисты: ополченцы, сторонники превосходства белых, куклуксклановцы, коммунисты и другие»)¹.

Можно отметить несколько работ зарубежных исследователей, посвященные радикальным левым постсоветской России: Это сборник статей под редакцией Ф. Раффа, описывающая становление неоанархизма в СССР в 1986-1990 гг., монография Дж. Урбан и В. Соловья «Российские коммунисты на распутье» (один из авторов – российский исследователь, эксперт Горбачев-фонда), характеризующая российское коммунистическое движение 1991-1996 гг.² Более поздний период охватывают работы Л. Марча³.

Что касается отечественных работ по левому радикализму и экстремизму, то первые из этих работ, вышедшие еще в СССР, были работы В.В. Витюка, С.А. Эфинова и А.С. Грачева, посвященные левому экстремизму и терроризму за рубежом⁴. Правда, еще ранее отечественный философ Ю.Н. Давыдов посвятил несколько работ критическому анализу (во многом несправедливому) взглядов «новых левых»⁵.

Небольшое количество работ, посвященных отечественным левым радикалам постсоветского периода, можно разделить на три основных группы. Во-первых, это работы, посвященные анархистам, во-вторых, это работы, посвященные фундаменталистским коммунистическим партиям, в-третьих, это работы, посвященные антиглобалистскому (альтерглобалистскому) движению. Отметим, что левые демократы называют себя альтерглобалистами, чтобы отличаться от антиглобалистов, в международном движении протеста против глобализации участия не принимающих и занимающих консервативные позиции. Особенностью большинства из этих работ является то, что многие из их авторов являются активистами левых организаций или сочувствующими.

Деятельность коммунистической оппозиции в России анализировалась в работах М. Холмской и С. Черняховского⁶. Примечательно, что все эти работы посвящены коммунистическому движению в постсоветской России в целом, и практически отсутствуют работы, посвященные только радикальным коммунистам.

В 2004 г. вышла монография С.А. Сергеева «Политическая оппозиция в современной Российской Федерации: федеральный и региональный аспекты», в которой, наряду с демократической, рассматривалась также коммунистическая и молодежная контркультурная оппозиция (анархисты, нацболы, антиглобалисты)⁷.

Еще скуднее литература, посвященная современному российскому анархизму (который правильнее, ввиду наличия разрыва между ним и классическим анархизмом, уничтоженным в 1920-х гг., назвать неоанархизмом). Работы С. Ударцева и В. Ермакова, ставшие одними из первых работ по истории отечественного анархизма после длительного перерыва, лишь затрагивают российский неоанархизм конца 1980-х – начала 1990-х гг.⁸ Ряд работ по

¹ George J., Wilcox L. Nazis, Communists, Klansmen, and Others on the Fringe: Political Extremism in America. Buffalo, (N.Y.): Prometheus Books, 1992; George J., Wilcox L. American Extremists: Militias, Supremacists, Klansmen, Communists and Others. Amherst, (N.Y.): Prometheus Books, 1996.

² Ruff Ph. (ed.) Anarchy in the USSR. L.: ASP, 1991; Urban J., Solovei V. Russia's Communists at the Crossroads. Boulder (Co): Westview Pr. 1997.

³ March L. The Communist Party in Post-Soviet Russia. Manchester: Manchester Univ. Pr., 2002; Марч Л. Российские леворадикалы в посткоммунистическую эпоху / Русский национализм в политическом пространстве (исследования по национализму в России). Сост. М. Ларюэль. М., 2007. С.100-120.

⁴ Витюк В. В., Эфинов С.А. Под чужими знаменами. Лицемерие и самообман «левого» терроризма. М.: Мысль, 1985; Витюк В. В., Эфинов С.А. «Левый» терроризм на Западе: история и современность. М.: Наука, 1987; Грачев А.С. Политический экстремизм. М.: Мысль, 1986.

⁵ Давыдов Ю.Н. Эстетика нигилизма (Искусство и «новые левые»). М.: Искусство, 1975.

⁶ Холмская М.Р. Коммунисты России: факты, идеи, тенденции. М., 1998; Холмская М.Р. Современное коммунистическое движение в России: идеология и практика. Дисс... к.и.н. М., 2000; Черняховский С.Ф. Коммунистическая оппозиция в современной России: генезис, противоречивость, перспективы: автореф. дисс.... д.п.н. М., 2007.

⁷ Сергеев С.А. Политическая оппозиция в современной Российской Федерации (федеральный и региональный аспекты). Казань, 2004. С. 109-182.

⁸ Ударцев С. Политическая и правовая теория анархизма в России: история и современность. Алматы, 1994; Ермаков В.Д. Анархистское движение в России: история и современность. СПб., 1997.

истории отечественного и зарубежного анархизма принадлежат участникам анархистского (впрочем, ряд участников считает его неонародническим) кружка «Община», действовавшего в 1986-91 гг. в Москве. Две крупных монографии по истории анархо-синдикализма в XX в. написаны В. Дамье¹. В работе д.и.н. А.В. Шубина «Преданная демократия. СССР и неформалы (1986-1989)» автор подробнейшим образом рассматривает зарождение демократического движения в СССР и роль в этом движении левых социалистов². Наиболее полным исследованием деятельности неонархистов в РФ, доведенным до 2000-х гг., является монография Д. Бученкова «Анархисты в России в начале XX в.»³.

Несколько работ по современным российским анархистам принадлежат А.Н. Тарасовым. В частности, им написана первая часть работы «Левые в России: от умеренных до экстремистов», имеющая справочный характер⁴. Как и в более поздней работе, «Революция не всерьез», А. Тарасов дает крайне резкую характеристику российским анархистам, характеризуя их как «псевдореволюционеров», продемонстрировавших исключительную способность к систематической организационной работе; масса анархистов объявляется алкоголизированной и наркотизированной⁵. Д. Бученков, в свою очередь, отмечает свойственное А. Тарасову «низкое умение работать с фактами»⁶. Начавшись как научная полемика, конфликт перерос в мелочное сведение счетов, столь характерное для участников маргинальных радикальных организаций.

Что касается антиглобалистского (альтерглобалистского) движения, то и в России, и за рубежом, как видно на примере упомянутого выше ридера «Глобальное сопротивление», работы о нем принадлежат в основном участникам этого движения. Здесь, в первую очередь, нужно упомянуть профессора А.В. Бузгалина, председателя движения «Альтернативы» и одного из лидеров российского альтерглобализма, публициста Б. Кагарлицкого, Директора Института коллективного действия К. Клеман, депутата ГосДумы РФ О. Шеина и др.⁷ Сборник «Альтерглобализм и антиглобалистские движения в современном мире», подготовленный ИНИОН РАН, также содержит в основном обзоры и рефераты представителей альтерглобалистского движения (К. Агитона и др.)⁸.

Таким образом, леворадикальные и левозэкстремистские движения в современной России изучены еще хуже, нежели правые радикалы и экстремисты, а отдельные организации (нацболы, антифа) могут рассматриваться как практически не изученные.

Религиозный радикализм и экстремизм. Количество работ по религиозному экстремизму и радикализму стало быстро увеличиваться, начиная с конца 1990-х гг. Характерно, что если в 1970-1990-х гг. как в СССР/России, так и за рубежом, особенно в США, выходили работы, анализировавшие экстремистские и радикальные течения как в исламе, так и в христианстве, то в 2000-е гг. религиозный радикализм и экстремизм стал связываться практически исключительно с исламским радикализмом.

¹ Дамье В. Забытый Интернационал: Международное анархо-синдикалистское движение между двумя мировыми войнами. Т.1: От революционного синдикализма к анархо-синдикализму: 1918-1930. М., 2006; Т.2. Международный анархо-синдикализм в условиях «Великого кризиса» и наступления фашизма. М., 2007.

² Шубин А.В. Преданная демократия. СССР и неформалы (1986-1989). М.: Европа, 2006.

³ Бученков Д.Е. Анархисты в России в начале XX в. М.: Либроком, 2009. 160 с.

⁴ Тарасов А.Н., Черкасов Г.Ю., Шавшукова Т.В. Левые в России: от умеренных до экстремистов. М., 1997.

⁵ Тарасов А.Н. Революция не всерьез: штудии по теории и истории квазиреволюционных движений. Екатеринбург: Ультра.Культура, 2005. С.5, 63.

⁶ Бученков Д.Е. Анархисты в России в начале XX в., С.9.

⁷ Бузгалин А. Альтерглобализм как феномен современного мира // Полис. 2003. № 2. С. 71-85; Альтерглобализм: теория и практика «антиглобалистского движения» / Под ред. А.В. Бузгалина. М.: УРСС, 2003; Глобализация сопротивления: борьба в мире / Отв. ред. С. Амир и Ф. Утар. Под ред. с предисл. А. Бузгалина. М.: УРСС, 2004; Кагарлицкий Б. Политология революции. М.: Алгоритм, 2007; Клеман К., Шеин О. Профсоюзы и «антиглобалистское» движение / Альтерглобализм: теория и практика «антиглобалистского движения» / Под ред. А.В. Бузгалина. М.: УРСС, 2003. С.234-235.

⁸ Альтерглобализм и антиглобалистские движения в современном мире: сб. обзоров и реф. / РАН ИНИОН. М., 2006.

Эти работы можно разделить на три большие группы. Во-первых, это труды, описывающие и характеризующие исламские радикальные движения в том контексте, в котором они появились и существуют. Таковы работы Жилия Кёпеля, Х. Декмеджяна, Э. Сивана¹, из отечественных авторов – Р. Абдулатипова, А. Игнатенко, И. Добаева, Э. Кисриева, А. Малашенко, Р. Мухаметшина, Р. Набиева, Р. Силантьева, Л. Сюкияйнена и др.²

Вторая, чрезвычайно обширная группа работ – работы, посвященные собственно религиозному экстремизму и радикализму, среди которых преобладают работы, посвященные исламскому фундаменталистскому экстремизму. Из зарубежных работ здесь выделяется работа М. Сейджмена «Сетевые структуры терроризма», в которой предпринята успешная попытка применить сетевой анализ к структуре «Аль-Кайды», а также исследования Дж. Корбин, К. МакКоли, М. Юргенсмейера и др.³ Большое значение в них уделяется изучению личности террористов (Дж. Хорган)⁴, террористов-самоубийц (А. Мерари)⁵.

Что касается отечественных авторов, то концепт «религиозный терроризм» анализировался в работах А. Дмитриева, А. Журавского, В. Кудрявцева⁶.

Проблемам, связанным с распространением исламского радикализма и экстремизма в России, были посвящены работы В. Акаева, А. Алиева, З. Арухова, Р. Гаджиева, И. Добаева, А. Малашенко, В. Тишкова⁷, диссертационные работы А. Боташевой, Х. Курбанова, Д. Новикова, Е. Плужникова и др.⁸

¹ Dekmejian R.H. Islam in Revolution: Fundamentalism in the Arab World. Syracuse (N.Y.): Syracuse Univ. Pr., 1995; Kepel G. Muslim Extremism in Egypt: The Prophet and Pharaoh. Berkeley: Univ. of Calif. Pr., 2003; Kepel G. Jihad: The Trial of Political Islam. Cambr. (Mass.): Harvard Univ. Pr., 2006 (рус. пер.: Кёпель Ж. Джихад. Экспансия и закат ислама. М.: Ладомир, 2004); Sivan E. Radical Islam: Medieval Theology and Modern Politics. New Haven (Conn.): Yale Univ. Pr., 1990.

² Абдулатипов Р.Г. Судьбы ислама в России. М.: Мысль, 2002; Добаев И.П. Политические институты исламского мира: идеология и практика. Ростов н/Д., 2001; Кисриев Э.Ф. Ислам и власть в Дагестане. М., 2004; Игнатенко А.А. Халифы без халифата. Исламские неправительственные религиозно-политические организации на Ближнем Востоке: история, идеология, деятельность. М., 1988; Игнатенко А.А. Ислам и политика. М., 2004; Малашенко А. Исламское возрождение современной России / Моск. Центр Карнеги. М., 1998; Малашенко А. Ислам для России / Моск. Центр Карнеги. М., 2007. 192 с.; Мухаметшин Р. Ислам в общественно-политической жизни татар и Татарстана в XX в. Казань, 2005; Набиев Р.А. Ислам и государство. Казань, 2002; Силантьев Р. Новейшая история исламского сообщества в России / ИИПК «Ихтиос». М., 2005; Сюкияйнен Л.Р. Мусульманское право. М., 1986.

³ Сейджмен М. Сетевые структуры терроризма. М.: Идея-пресс, 2008; Corbin J. Al-Qaeda: The Terror Network that Threaten the World. N.Y.: Thunder Mouth Press / Nation Books, 2003; Juergensmeyer M. Terror in the Mind of God: The Global Rise of Religious Violence. Berkeley: Univ. of Calif. Pr., 2000; Terrorism Research and Public Policy. Ed. by C. McCauly. L.: Routledge, 1991.

⁴ Horgan J. The Psychology of Terrorism. L.: Routledge, 2005. 199 p.; The Psychology of Terrorism. Ed. B.M. Bongar. Oxf.: Oxf. Univ. Pr., 2005. 492 p.

⁵ Merari A. The Readiness to Kill and Die: Suicidal Terrorism in the Middle East / Origins of Terrorism: Psychologies, Ideologies, Theologies, States of Mind. Ed. W. Laqueur. Washington (D.C.): Woodrow Wilson Center Pr., 1990. P.192-207.

⁶ Дмитриев А.В. Религиозный терроризм: сущность, истоки, разновидности / Религия в самосознании народа (религиозный фактор в идентификационных процессах) / Отв. ред. М.П. Мчедлов. М.: Институт социологии РАН, 2008; Журавский А.В. Религиозный экстремизм: реальность или фикция? // <http://www.religare.ru/article2080.htm>; Журавский А.В. Религиозный экстремизм и фундаментализм: проблемы дефиниций // <http://www.religare.ru/article2269.htm>; Кудрявцев В.Н. Терроризм и религия. М., 2005.

⁷ Акаев В.К. Суфизм и ваххабизм на Северном Кавказе. Конфронтация или компромисс? Махачкала, 1999; Алиев А.К., Арухов З.С., Ханбабаев К.М. Религиозно-политический экстремизм и этноконфессиональная толерантность на Северном Кавказе. М., 2007; Арухов З. Экстремизм в современном исламе. Махачкала, 1999; Гаджиев Р.Г. Ваххабизм: особенности его проявления на Северном Кавказе. Махачкала, 2002; Добаев И. Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика. Ростов н/Д., 2003; Добаев И. Современный терроризм: региональное измерение. Ростов н/Д., 2009; Малашенко А., Тренин Д. Время Юга: Россия в Чечне, Чечня в России / Моск. Центр Карнеги. М.: Гендальф, 2003; Тишков В. Общество в вооруженном конфликте. М.: Наука, 2001.

⁸ Боташева А.К. Терроризм как фактор современных политических процессов: детерминация, проявления, стратегия противодействия. Дисс... д-ра полит. наук. Краснодар, 2009; Курбанов Х.Т. Религиозно-политический экстремизм на Северо-Восточном Кавказе: идеология и практика (на материалах Республики Дагестан). Дисс. ... канд. полит. наук. Махачкала, 2006; Новиков Д.В. Этнорелигиозный экстремизм на Северном Кавказе: методы противодействия. Дисс. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2002; Плужников Е.Н. Религиозный

Подавляющее большинство работ отечественных авторов, посвященных исламскому экстремизму и радикализму, посвящены ситуации на Северном Кавказе (таким образом, в значительной мере нерассмотренной остается ситуация в Среднем Поволжье, Татарстане и Башкортостане). Кроме того, 99 % отечественных работ по исламскому радикализму и экстремизму анализируют такое направление в исламе, как ваххабизм (салафизм), оставляя без внимания менее значительные экстремистские направления, такие, как халифатисты («Хизб ут-Тахрир аль-Ислами», партия исламского освобождения).

Подводя итоги, следует отметить, что применение термина «экстремизм» в современных социальных науках носит определенный оттенок субъективизма и «наклеивания ярлыков». Тем не менее большинство зарубежных и отечественных исследователей понимают под экстремизмом нетолерантные взгляды, имеющие характер, а также деятельность насильственного характера.

Понятие «радикализм» в настоящее время чаще используется для обозначения комплекса политических идей и действий, нацеленных на коренное (радикальное) изменение существующих социальных и политических институтов, и в этом смысле понятия «радикализм» и «экстремизм» часто употребляются как синонимы.

В литературе выделяются следующие разновидности радикализма и экстремизма: «левый», «правый», религиозный, этнонационалистический, а также молодежный (хотя последний тип экстремизма и радикализма выделен по иному основанию, чем предыдущие, и может быть как «левым», так и «правым», как религиозным, так и этнонационалистическим и пр.). В отечественной литературе наиболее изученной является этнорелигиозная или религиозно-политическая разновидность экстремизма (радикализма), хотя в последние годы быстрыми темпами идет изучение правого радикализма и экстремизма. Современный левый радикализм (экстремизм) изучен сравнительно хуже. Также обращает на себя неравномерность изученности религиозного радикализма (сравнительно лучше изучен исламский радикализм, а из относящихся к нему течений – ваххабизм). Обращает на себя внимание также небольшое количество работ по социологии экстремизма и радикализма (всех разновидностей).

Избранная библиография

1. О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.
2. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом // Собрание законодательства РФ. 2003. № 2. Ст. 155.
3. Алиев А.К., Арухов З.С., Ханбабаев К.М. Религиозно-политический экстремизм и этноконфессиональная толерантность на Северном Кавказе. М.: Наука, 2007. 584 с.
4. Альтерглобализм: теория и практика «антиглобалистского движения» / Под ред. А.В. Бузгалина. М.: УРСС, 2003. 256 с.
5. Бученков Д.Е. Анархисты в России в начале XX в. М.: Либроком, 2009. 160 с.
6. Верхи и низы русского национализма. Сост. А. Верховский. М.: Центр «Сова», 2007. 256 с.
7. Витюк В. В., Эфиров С.А. Под чужими знаменами. Лицемерие и самообман «левого» терроризма. М.: Мысль, 1985. 206 с.
8. Витюк В. В., Эфиров С.А. «Левый» терроризм на Западе: история и современность. М.: Наука, 1987. 318 с.
9. Галкин А. Германский фашизм. М.: Наука, 1989. 352 с.
10. Гарр Т.Р. Почему люди бунтуют. СПб.: Питер, 2005. 461 с.
11. Глобализация сопротивления: борьба в мире / Отв. ред. С. Амир и Ф. Утар. Под ред. с предисл. А. Бузгалина. М.: УРСС, 2004. 304 с.
12. Грачев А.С. Политический экстремизм. М.: Мысль, 1986. 271 с.

13. Давыдов Ю.Н. Эстетика нигилизма (Искусство и «новые левые»). М.: Искусство, 1975. 271 с.
14. Добаев И. Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика. Ростов н/Д.: СКНЦ ВШ, 2003. 416 с.
15. Добаев И. Современный терроризм: региональное измерение. Ростов н/Д.: СКНЦ ВШ ЮФУ, 2009. 170 с.
16. Ермаков В.Д. Анархистское движение в России: история и современность. СПб.: СПбГАК, 1997. 201 с.
17. Игнатенко А.А. Ислам и политика. М.: Институт религии и политики, 2004. 256 с.
18. Кагарлицкий Б. Политология революции. М.: Алгоритм, 2007. 576 с.
19. Кёпель Ж. Джихад. Экспансия и закат ислама. М.: Ладомир, 2004. 468 с.
20. Кисриев Э.Ф. Ислам и власть в Дагестане. М.: ОГИ, 2004. 224 с.
21. Козлов А.А. (ред.) Молодежный экстремизм. СПб.: СПбГУ, 1996. 141 с.
22. Кудрявцев В.Н. Терроризм и религия. М.: Наука, 2005. 199 с.
23. Лихачев В. Нацизм в России. М.: Панорама, 2002. 176 с.
24. Малашенко А. Ислам для России / Моск. Центр Карнеги. М., 2007. 192 с.
25. Малашенко А. Исламское возрождение современной России / Моск. Центр Карнеги. М., 1998. 222 с.
26. Русский национализм: идеология и настроение. М.: Центр «Сова», 2006. 304 с.
27. Сейджмен М. Сетевые структуры терроризма. М.: Идея-Пресс, 2008. 216 с.
28. Сергеев С.А. Политическая оппозиция в современной Российской Федерации (федеральный и региональный аспекты). Казань: КГУ, 2004. 464 с.
29. Силантьев Р. Новейшая история исламского сообщества в России / ИИПК «Ихтиос». М., 2005. 623 с.
30. Тарасов А.Н., Черкасов Г.Ю., Шавшукова Т.В. Левые в России: от умеренных до экстремистов. М.: ИЭС, 1997. 232 с.
31. Тарасов А.Н. Революция не всерьез: штудии по теории и истории квазиреволюционных движений. Екатеринбург: Ультра.Культура, 2005. 528 с.
32. Тишков В. Общество в вооруженном конфликте. М.: Наука, 2001. 552 с.
33. Ударцев С. Политическая и правовая теория анархизма в России: история и современность. Алматы, 1994. 226 с.
34. Хоффман Б. Терроризм изнутри. М.: Ультра.Культура, 2003. 264 с.
35. Corbin J. Al-Qaeda: The Terror Network that Threaten the World. N.Y.: Thunder Mouth Press / Nation Books, 2003. 379 p.
36. Dekmejian R.H. Islam in Revolution: Fundamentalism in the Arab World. Syracuse (N.Y.): Syracuse Univ. Pr., 1995. 307 p.
37. Eatwell R. Fascism. A History. L.: Penguin Books, 1997. 404 p.
38. George J. American Extremists: Militias, Supremacists, Klansmen, Communists and Others / J. George, L. Wilcox. Amherst, (N.Y.): Prometheus Books, 1996. 443 p.
39. George J. Nazis, Communists, Klansmen, and Others on the Fringe: Political Extremism in America / J. George, L. Wilcox. Buffalo, (N.Y.): Prometheus Books, 1992. 523 p.
40. Griffin R. The Nature of Fascism. L.: Pinter; N.Y.: St. Martin's Pr., 1991. 245 p.
41. Horgan J. The Psychology of Terrorism. L.: Routledge, 2005. 199 p.
42. Juergensmeyer M. Terror in the Mind of God: The Global Rise of Religious Violence. Berkeley: Univ. of Calif. Pr., 2000. 323 p.
43. Kepel G. Jihad: The Trial of Political Islam. Cambr. (Mass.): Harvard Univ. Pr., 2006. 454 p.
44. Kepel G. Muslim Extremism in Egypt: The Prophet and Pharaoh. Berkeley: Univ. of Calif. Pr., 2003. 283 p.
45. Laqueur W. A history of terrorism. L.: Transaction Publ., 2001. 277 p.
46. Laqueur W. Guerrilla: a Historical and Critical Study. L.: Weidenfeld & Nicolson, 1977. 462 p.
47. Laqueur W. The New Terrorism: Fanaticism and the Arms of Mass Destruction. N.Y.: Oxf. Univ. Pr., 1999. 312 p.

48. Laqueur W. *Fascism: Past, Present, Future*. N. Y.: Oxf.: Oxf. Univ. Pr., 1997. 272 p.
49. Lipset S.M. *Political Man*. Garden City, N.Y.: Doubleday, 1960. 432 p.
50. March L. *The Communist Party in Post-Soviet Russia*. Manchester: Manchester Univ. Pr., 2002. 296 p.
51. Mudde C. *Racist extremism in Central and Eastern Europe*. L.: Routledge, 2005. 314 p.
52. Payne G. *St. Fascism: Comparison and Definition*. Madison: Univ. of Wisconsin Pr., 1983. 242 p.
53. *The Psychology of Terrorism*. Ed. B.M. Bongar. Oxf.: Oxf. Univ. Pr., 2005. 492 p.
54. Renton D. *Fascism: Theory and Practice*. L.: Pluto Pr., 1999. 150 p.
55. *Right-Wing Extremism in the Twenty-First Century* / Eds. P.H. Merkl, L. Weinberg. L.: Routledge, 2003. 311 p.
56. Robins R. *Political Paranoia: The Psychopolitics of Hatred* / R. Robins, J. Post. New Haven (Conn.): Yale Univ. Pr., 1997. 366 p.
57. Shenfield S.D. *Russian Fascism: Traditions, Tendencies, Movements*. Armonk, N.Y.: M. E. Sharpe, 2001. 336 p.
58. Sivan E. *Radical Islam: Medieval Theology and Modern Politics*. New Haven (Conn.): Yale Univ. Pr., 1990. 307 p.
59. Urban J. *Russia's Communists at the Crossroads* / J. Urban, V. Solovei. Boulder (Co): Westview Pr., 1997. 209 p.
60. Weber E. *Varieties of Fascism: Doctrines of Revolution in the Twentieth Century*. N.Y.: Van Nostrand Reinhold Company, 1982. 191 p.